

Л.И. Сараскина

Встречаясь в течение двадцати лет в клубе «Свободное слово» в Институте философии РАН со многими известными людьми и яркими личностями, я могу уверенно сказать, что Георгий Дмитриевич Гачев был одним из самых оригинальных умов нашего времени.

Кому-то для того чтобы оставаться философом, следует, по слову Ф. Ницше, выразительно молчать. Философу Георгию Дмитриевичу Гачеву было не опасно говорить, писать, думать вслух — он был человеком с редким даром философствования живую. Живой звук мысли был его родной стихией. Он отважно осваивал жанр самопредставления, исповести. Но его существование в этом жанре ничего общего не имело с самодовольством, самолюбованием, самохвальством и тем более — с саморекламой. Его знаменитые монологи о себе были на редкость целомудренны и достойны.

Часто Гачева называли культурологом. Эта наука в его интерпретации счастливым образом прояснялась, наполнялась живым смыслом и творческой энергией, обретала свой собственный, а не заемный предмет. Так, теория ускоренного развития культуры на примере литературного пути Чингиза Айтматова неопровержимо подтверждала: этот писатель стал для своего народа и Гомером, и человеком эпохи Возрождения, и романтиком, и реалистом, и модернистом. Он действительно покрыл весь литературный и культурный горизонт.

Культуролог Гачев следовал презумпции непонимания и никогда не скрывал границ своей компетенции, отчетливо видя те сферы, которые оставались для него недоступными. Он смотрел в суть вещей, откапывал ее в глубинах языка, высекал из слов их смысловые ядра. Он был отважен и дерзок как исследователь философских, культурных и литературных стихий. И стал безоглядным созерцателем философских глубин.

Он был отважен и как читатель. В разгар жестоких нападок на А.И. Солженицына в связи с его книгой «Двести лет вместе» Георгий Дмитриевич публично, на обсуждении книги в Доме русского зарубежья, сказал: «Читаю книгу Солженицына про Россию и еврейство. Это — Эверест творчества

Солженицына. И понятно, что восхождение на эту сложнейшую и опасную тему позволил он себе предпринять в позднем возрасте, когда человек выходит в мудрость, в статус старца-аксакала, кто может объективнейше рассудить этот исторический спор-тяжбу. А в мире нет человека и мыслителя, кто бы обладал таким богатейшим опытом жизни и размышлений, кругозором такого диапазона, как Солженицын. Ему и карты в руки, но и — долг и призвание почувствовал: помочь всем сторонам разобраться в этой проблеме, как говорят, *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). Хотя нет, дышит тут страсть, любовь к кровотокающей и обесчещенной ныне России, и она питает творческим огнём немолодые уже силы... Книгу Солженицына читаешь, как смотришь античную трагедию».

Я радостно цитировала это высказывание Г.Д. Гачева в моей ЖЗЛ-ской книге о Солженицыне, которая вышла в свет 5 марта 2008 года, за 18 дней до кончины Георгия Дмитриевича. Так он стал одним из ее прекрасных, значительных героев...

Философия и способы философствования Гачева гармонизировали сознание. Мне кажется, его философия гармонизировала и его собственную жизнь. Он много писал о своей семье — жене и дочерях. Философски воспел труды и радости семейного человека. Три женщины в его доме не только не были раздавлены его мощью, не только не были его слабой тенью, но цвели пышно и самостоятельно, каждая в своем саду.

Эти сады по-разному прекрасны, и не могли не быть таковыми, ибо и корни и кроны их зримо и щедро одухотворены счастливой близостью к единственному в своем роде житнетворчеству Георгия Дмитриевича Гачева.